

С. В. Куцепал
(г. Полтава, Украина)

**ПОСТСОВРЕМЕННОСТЬ:
ТРАНСФОРМАЦИЯ ОБРАЗОВ МИРА И ЧЕЛОВЕКА**

Человечество станет умнее и рассудительнее, но не лучше, счастливее и деятельнее. Я предвижу время, когда человечество не будет больше радовать Бога, и он будет вынужден вновь всё разрушить для обновлённого творчества.

И. В. Гёте.

В прошлом веке Карл Ясперс создал свою хронологию, согласно которой эпоха технического развития станет четвёртой эпохой развития человечества. Целью этой эпохи философ объявил стремление преобразовать мир в соответствии с прагматическим шаблоном, а все достижения человечества превратить в средства удовлетворения его сиюминутных потребностей. В этой эпохе «природа превращается не только в „объект“, но и в „сырьё» [1, с. 135], трансформируется система ценностей, кардинально меняются жизненные установки и мировоззренческие принципы, теряется индивидуальность, поскольку человек растворяется в массе, коллективе, становится исполнителем определённой функции. «Индивид распадается на функции. Быть означает быть в деле; там, где ощущалась бы личность, деловитость была бы нарушена. Отдельный человек живёт как сознание социального бытия. В пограничной ситуации он ощущает радость труда без ощущения своей самости; живёт коллектив, и то, что отдельному человеку казалось бы скучным, более того, невыносимым, в коллективе он спокойно принимает как бы под властью иного импульса. Он мыслит своё бытие только как „мы”» [2, с. 39].

Человек эпохи технического прогресса репрезентован образом «*homo faber*» (человек работающий), основные черты и проблемы которого описаны в одноименной книге Макса Фриша, долгое время считавшейся интеллектуальным бестселлером.

В то же время, человек эпохи технического прогресса чрезвычайно любознателен и имеет куда большие эвристические возможности, чем его предшественники, и понимает, что в мире нет ничего абсолютно постоянного (но при этом, правда, грезит о «вечной» любви) и, в то же время, абсолютно невозможного. «Человек – существо, которое не может удовлетвориться просто проживанием в этом мире: он хочет не только быть, но и знать, понимать, зачем он живет, ему свойственно оценивать всё, с чем он сталкивается, всё „примерять“ на себя, соотносить с собой» [3, с. 21].

Наука XX ст. характеризуется двумя эпохальными прорывами, ведь «подобно мифам и космогоническим гипотезам, научная деятельность направлена, прежде всего, на то, чтобы *понять* природу мира, его структуру и место, занимаемое в нём человеком» [4, с. 81]. Первая половина столетия – прорыв в физике, в результате чего человек сумел обуздать атомную энергию. Вторая половина – триумфатор биология, раскрывшая закономерности в строении и функционировании клетки, в образовании двойной спирали ДНК и генетического кода, что дало дерзкую надежду на овладение таинством жизни и сделало неприемлемыми в научном сообществе витализм и финализм как представления о жизненной силе и конечной цели всей жизни. Было доказано, что «человеческий род, как и любая другая форма жизни, представляет собой не более чем один из миллионов отростков на ветвях широко разросшегося в ходе эволюции дерева жизни» [5, с. 15]. Кроме того, у философского сообщества появился повод пролить скупую академическую слезу и составить эпитафию дуализму, поскольку картезианская мантра «*Cogito ergo sum*» утратила свою завораживающе-магическую силу, т. к. было убедительно доказано, что мышление является результатом функционирования нейронных скоплений в различных отделах головного мозга, особенно в неокортексе. Лишились смысла Декартовские рассуждения о разуме как о сущности, отличной от тела и природы в целом, которая управляет телом через посредство мозга, помогает ему при взаимодействии с внешней средой.

Бурное развитие науки и техники актуализировало вековую мечту человечества – «счесть звёзды», найти во Вселенной себе подобных, разгадать тайну зарождения жизни, постичь суть предназначения человечества. Не случайно звёздное небо издавна

влекло и манило к себе человека, зарождалась мечта о возможности диалога человека с Космосом. В древние времена это породило множество сказок, мифов, легенд, в которых предпринималась попытка объяснения необъятного звёздного пространства, на которое с трепетом и благоговением взирал человек. Возможно, благодаря наблюдениям за магическим повторением небесных явлений возникли первые робкие рациональные объяснения и рассуждения о мироздании, месте в нём человека, что стало истоком возникновения таких наук, как астрономия и философия. Со времён Иммануила Канта легитимированы основы философского постижения космоса, основанные на принципе взаимодополнительности неизмеримых космических расстояний и пространств, где зарождаются, развиваются и гибнут небесные тела, и нравственно-эстетических параметров человеческой души.

XX век характеризуется возникновением космонавтики, появлением профессиональных космонавтов, многие из которых неоднократно были на орбите Земли, началом социализации внеземного пространства.

«Интерес представляют положения, касающиеся человека и его связи с космосом: она осуществляется через восемьдесят тысяч генов, каждый из которых несёт только ему присущую информацию» [6, с. 4]. Активное освоение космического пространства, посещение Луны американскими астронавтами воспринимались как семимильные шаги, приближавшие человечество к магии Вселенной. Как заметил Кристиан де Дюв, лауреат Нобелевской премии 1974 года по психологии и медицине за передовые работы в области строения и функционирования клетки, «если жизнь существует где-либо ещё во Вселенной, то не стоит пренебрегать схожестью принимаемых ею разумных форм, среди которых могут найтись и такие, которые превосходят по разумности человека» [5, с. 19].

Прошедший век, принеся человечеству эпохальные открытия, в то же время поставил перед ним дилемму. Если признать и принять возможность множественности жизни во Вселенной, тогда придётся согласиться с тем фактом, что человек становится игрушкой в руках слепых стихийных сил. Если уверовать в то, что жизнь возможна только на Земле и является уникальным феноменом, то человек воспринимается как взрослый, который должен и может нести ответственность за свои поступки и решения, учитывать их последствия.

Наступление нового тысячелетия принесло не только смену веков, но и замену современности XX века постсовременностью XXI

века. Результатом развития технократического вируса на Западе и однозначного догматизма, умело загримированного под руководство к действию, в философских системах социалистических стран стала утрата способности, которую Э. Гуссерль определил как «способность к картезианскому размышлению», поскольку Разум и Субъект больше не выступали осями координат в плоскости метафизики. Рухнул судьбоносный камень, со времён Декарта определявший возможные пути философских изысканий, согласно которому можно было выбрать движение в сторону любого из трёх узловых направлений метафизики – Бытия, Истины, Субъекта.

Вырабатывается новая идея истины, последняя уже не имеет свойств быть единственной и постижимой. Априорные принципы, считавшиеся непосредственно очевидными и основополагающими для метафизического знания, уступили место опытным знаниям и опытной науке. Борьба мнений и даже «партий в философии» заменяется атмосферой философского плюрализма, а основными признаками хорошего «философского тона» становятся терпимость и толерантность в пространстве мысли. В результате философия постсовременности лишает понятие «истина» статуса основного гносеологического понятия и в лучших традициях плюрализма выдаёт несколько пониманий истины – лингвистическое, экзистенциально-герменевтическое и прагматическое.

Не менее существенные метаморфозы переживают понятия «субъект» и «бытие». Согласно основополагающему принципу метафизики, в процессе самопознания (=самоопределения, самоосуществления) субъект перманентно становится объектом, последним связующим звеном в системе философского обоснования. Благодаря этому постигается смысл бытия, т. е. процесс сознания сопровождается очевидностью.

Теперь же субъект лишается центра и содержания, поэтому возникает требование деконструкции субъекта. Соответственно, рациональное мышление, центральной категорией которого была категория субъекта, должно быть брошено в бездну забвения. Последний оплот метафизики – бытие – превращается в фазу своего пред-ложения как небытия, т. к. мобилизуется техникой. Единственным прибежищем для Бытия, местом просвета Бытия становится язык (в некоторых концепциях – письмо), поэтому возникает огромный интерес к языковой проблематике. Чего стоит только фраза Ж.-Ф. Лиотара, что философия – это дискурс в поисках своих собственных правил.

Доминирующей философской парадигмой становится постмодерн, без обращения к которому уже невозможно обозначить новое состояние цивилизации, культуры, экономики, политики.

Постмодерн, как утверждает А. Дугин, создаёт четыре основных проекта:

«1) проект глобализации, направленный против классических буржуазных государств и их экономических систем;

2) проект планетарного космополитизма, направленный против наций;

3) полного индифферентизма или индивидуального мифотворчества в контексте неоспиритуализма – против установки на секулярность;

4) произвольность утверждения индивидуумом своего отношения к «другим» – против гуманистической стратегии „прав человека”» [7, с. 36–37].

Можно привести менее радикальную характеристику постмодерна: «Постмодерн берёт из высокой культуры то, что ему нужно, и заставляет работать в популярной культуре, <...> это извлечение вещей из контекста, их фрагментация, акцент на внешнем, а не на глубинной сути, игра с ними, <...> это коллаж и пастиш, пародия и ирония. Это триумф визуального образа над письменными текстами. Триумф информации и имитации над природой» [8, с. 22].

В постмодерной парадигме кардинально меняется ракурс исследования мира и человека, доминирующим эвристическим вектором становится направленность познания на выведение и исследование *начал* мира, вещей, человека, культуры, социума, которые и определяют их бытие. Становится очевидным существование множества начал, что обуславливает распространение идей плюрализма и отсылку монизма на маргинес гносеологического топоса.

Наиболее характерной и яркой иллюстрацией сказанного можно считать идеи французских мыслителей Ж. Делёза и Ф. Гваттари, которые началом, основанием, не имеющим ничего общего с тем, что оно обосновывает, называют хаос. Как известно, бинарная оппозиция «космос-хаос» возникает еще в период зарождения философии, при этом хаос трактуется как исток, основание космоса, с которым он внутренне связан, будучи его органической предпосылкой. Согласно античной философии, хаос также представляет угрозу космической организации, т. к. способен поглотить космос.

По мнению Ж. Делёза и Ф. Гваттари, хаос является субстанцией всего существующего, но при этом не содержит в себе ничего из актуализованного мира даже в виде возможности, поскольку любая форма, если она вдруг зарождается в хаосе, мгновенно рассеивается с бесконечной скоростью. «<...> Для хаоса характерно не столько отсутствие определённости, сколько бесконечная скорость их возникновения и исчезновения; это не переход от одной определённости к другой, а, напротив, невозможность никакого соотношения между ними, так как одна возникает уже исчезающей, а другая исчезает едва наметившись. Хаос – это не инертно-стационарное состояние, не случайная смесь. Хаос хаотизирует, растворяет всякую консистенцию в бесконечности» [9, с. 90].

Хотя хаос и представляет собой пустоту, но никоим образом не является небытием. Хаос – это виртуальность, которая в потенции содержит в себе все возможные элементы мира, способная принимать какие угодно возможные формы, правда, к сожалению (а, может, и к счастью) недолговечные, т. к. они исчезают едва возникнув, не оставив по себе никакого следа и сожаления. Хаос сам и порождает мир, и сам же является в нём главным актёром.

В концепции Ж. Делёза и Ф. Гваттари появляется понятие «хаосмос», впервые представленное в культовом романе Дж. Джойса «Поминки по Финегану» (1939), где писатель пытается создать универсум, проходящий эволюцию от хаоса к космосу, более того, в его трактовке упорядоченный космос имплицитно включён в хаос, вспыхивает в нем неожиданными зарницами.

Помимо творения Дж. Джойса французские мыслители прислушались к мнению учёных, представляющих неклассическую парадигму науки. Если классическая наука представляла мир как универсум, в котором действуют универсальные законы природы, определяющие и детерминирующие существование неизменной сущности физической реальности, то неклассическая наука создала принципиально иную картину мира. В неклассической (нелинейной) картине мира равноправными с законами становятся события выбора системой направлений своего развития в тех местах, где происходят разветвления динамики нелинейной системы (в точках бифуркации). В них нелинейная система представляется абсолютно открытой, поэтому даже малейшее изменение может повлечь за собой самые неожиданные последствия, это означает, что хаос в нелинейных системах наделяется креативными силами, т. е. не отождествляется с беспорядком. Как замечают И. Пригожин и И. Стенгерс: «С операциональной точки зрения, сфера хаоса чрезвычайно

расширяется и включает в себя многочисленные семейства классических или квантовых систем, а в действительности – всех систем, которые соответствуют фундаментальному описанию природы, как мы понимаем его сегодня в терминах взаимодействующих полей».

В парадигме неклассической науки возникает понятие динамического хаоса, в котором, как это ни парадоксально, порядок детерминирован хаосом, то есть любое действие в системе нелинейной динамики детерминировано определённой формулой. При этом важно помнить, что нелинейные системы реагируют даже на малейшие неточности во время определения исходных величин, поэтому могут предвидеть и спрогнозировать минимальное количество движений (шагов). Малейшая несогласованность исходных условий может изменить направление развития системы, обусловить совершенно иной финал в цепочке событий [10, с. 9].

Ещё одним откровением постмодерна стало утверждение о том, что реальность, в которой мы живём, превратилась в гиперреальность, стала виртуальной реальностью, «которая, будучи, по-видимому, абсолютно гомогенизированной, «цифровой», «операциональной», в силу своего совершенства, своей контролируемости и своей непротиворечивости заменяет всё иное» [11, с. 30].

Виртуальная реальность порождается сферой массовых электронных коммуникаций, которую М. Маклюэн определил как «эру тактильной коммуникации», приводящей к изменению традиционной модели взаимоотношений «Я» – «Другой», когда место реального собеседника занимает таинственно мерцающий экран компьютера, с помощью которого разыгрываются спектакли коммуникации, происходит симуляция разговора или познания. Пользователь ПК уже не грезит о звёздном небе, он даже не смотрит вверх, т. к. находится под воздействием «холодного соблазна» сети Интернет, охватившей практически все сферы человеческого бытия.

Не случайно английская исследовательница Кэтрин Хэйз утверждает, что виртуальность – это культурное восприятие того, что материальные объекты сплошь пронизаны информационными структурами, мир информации во многих точках пересекается с реальным, дарит человеку свободу в создании иллюзий, помогает реализовать и прожить ту жизнь, которая невозможна в реальной действительности.

Марк Роулэндс, автор чрезвычайно интересной и занимательной книги «Философ на краю Вселенной: НФ-философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно-

---

фантастических фильмах», заметил, что люди уже почти превратились в функциональных киборгов – фиборгов. «Дело в том, что развитие культуры (в широком смысле слова) привело к тому, что человеческое сознание потеряло способность отделять себя от информационной среды, в которой находится. Знание вокруг нас, и мы должны извлечь его. Мы похожи на сетевые компьютеры, которые, как в фантастических фильмах, снабжают огромным количеством сведений» [см.: 12].

Но погружение в виртуальную реальность не так безобидно, оно таит в себе опасность обезличивания, возникновение феномена психической зависимости от компьютера и ориентации на виртуальную реальность, результатом чего становится значительное уменьшение доли непосредственного общения между людьми, замены его коротким (или обширным) электронным посланием, простой sms-кой или общением с помощью ICQ. Привычная коммуникация с собеседником заменяется симулякром общения с человеком-образом, человеком-фото. «Зависание» и общение в чате лишает возможности услышать голос собеседника, прочувствовать его интонацию, не говоря уже о таких составляющих обычного общения, как жесты, мимика, прикосновения.

Меняется и образ человека, наиболее комфортно чувствует себя в постсовременности человек, который, наподобие античного бога Протея, способен постоянно меняться, «играть в идентичность», проживать огромное количество модусов-масок Я, без сожаления отбрасывая те из них, которые выполнили свою функцию. Главная задача человека постсовременности – суметь сохранить собственное лицо, не потерять его в непрерывно меняющемся калейдоскопе масок и образов. Совсем непросто жить в маске и испытывать при этом комфорт и наслаждение, нужно в совершенстве овладеть искусством постоянного «ускользания» от реальности, меняя индивидуальные маски, научиться становиться «Другим», если этого требует определенная жизненная ситуация.

Подытоживая сказанное, заметим, что каждая историческая эпоха вырабатывала и отстаивала своё видение роли и места человека во Вселенной, по-своему трактовала диалектику их взаимоотношений, тешась своими мифами, смягчавшими чувство одиночества в бесчужденной громаде Универсума. Постсовременность сокрушила вековые мифы Модерна, но при этом уже пытается создать свои, наполненные фантомами виртуальной реальности, и как не хочется увидеть на мониторе информацию, подобную той, о которой говорит К. де Дюв: «По мнению космологов, жизнь на нашей планете будет

существовать еще примерно пять миллиардов лет, пока саму планету не поглотит безжалостное пламя умирающего солнца» [5, с. 22]. Конечно, это не про нас, быстренько удалим это сообщение как спам и снова погрузимся в виртуальные грезы...

Литература

1. *Гайденко П. П.* Научный рационализм и философский разум в интерпретации Эдмунда Гуссерля / Пиамы Гайденко. // Вопросы философии. – 1992. – № 7. – С. 116–138.
2. *Ясперс К.* Власть массы / Карл Ясперс // К. Ясперс, Ж. Бодрийяр. Призрак толпы. – М.: Алгоритм, 2008. – 272 с.
3. *Фомина З. В.* Ценности человеческого бытия / З. В. Фомина. – Саратов: СГАП, 2001. – 40 с.
4. *Пригожин И.* Порядок из хаоса: Новый диалог человека с природой / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1986.
5. *Кристиан де Дюв.* Уроки жизни / Кристиан де Дюв // Много миров: новая Вселенная, внеземная жизнь и богословский подтекст. – М.: Изд-во АСТ: Астрель, 2007. – С. 13–25.
6. *Гопка В. В.* Вселенная и человек / В. В. Гопка. – Новосибирск: Сибмедиздат НГМУ, 2007. – 126 с.
7. *Дугин А.* Геополитика постмодерна. Времена новых империй. Очерки геополитики XXI века / А. Дугин. – СПб.: Амфора, ТИД Амфора, 2007. – 382 с.
8. *Харт К.* Постмодернизм / К. Харт. – М.: ФАИР-ПРЕСС, 2006. – 272 с.
9. *Делез Ж.* Что такое философия? / Ж. Делез, Ф. Гваттари. – М.: Институт экспериментальной социологии; СПб.: Алетейя, 1998. – 287 с.
10. *Пригожин И.* Время, хаос, квант / И. Пригожин, И. Стенгерс. – М.: Прогресс, 1999.
11. *Бодрийяр Ж.* Пароли. От фрагмента к фрагменту / Жан Бодрийяр. – Екатеринбург: У-Фактория, 2006. – 200 с.
12. *Роулэндс М.* Философ на краю Вселенной: НФ-философия, или Голливуд идет на помощь: философские проблемы в научно-фантастических фильмах [Электронный ресурс] / М. Роулэндс. – Режим доступа: <http://www.koob.ru>

